

- Лариса Николаевна, вы родились и провели детство в Харькове. Украинская культура на вас как-то повлияла?

- Безусловно. Мой отец Николай Кучеренко — один из создателей знаменитого танка Т-34 — наполовину украинец. Я всегда с удовольствием слушала украинские народные песни в его неподражаемом исполнении. С детства увлекалась историей, особенно любила читать исторические книги о жизни Киевской Руси. Мой двухтомник «Жены русской короны» начинается рассказом о киевской княгине Ольге, в своем духовном становлении прошедшей сложный путь от язычества к христианству. Меня удивило, как эта женщина в то бесправное для «слабой» половины человечества время осмелилась совершать исключительно мужские поступки: отомстила за убийство мужа и сожгла город своих врагов. Потом обошла Новгород, Псков, Старую Русу и другие города, чтобы собрать страну и впервые проложить четкие границы Киевской Руси. Хорошей хозяйке хотелось точно знать, чем же она владеет.

- Вернемся от «преданий старины глубокой» к временам не столь отдаленным. Правда ли, что товарищ Сталин, при всей своей подозрительности, конструктора танков Николая Кучеренко любил? Были причины?

- Вряд ли мой отец был любимцем Кремля. Но о том, что Сталин уважал Кучеренко, я слышала не единожды. Вождем народов во многих делах был дилетантом, но, очевидно, природный ум подсказывал ему, что нужно прислушиваться к мнению профессионалов. Когда перед войной на одном важном совещании главный конструктор Михаил Кошкин докладывал о новом танке и о преимуществе гусеничного движителя перед колесно-гусеничным, против этого стали дружно возражать военные, называя гусеничный танк «калошами без ботинок». Сталин выслушал мнения сторон и «предложил» конструкторам вести разработки в обоих направлениях. А через некоторое время на испытательном полигоне гусеничный танк обошел колесный по всем параметрам.

- Как отец относился к вашему увлечению поэзией? Не мечтал ли о продолжении конструкторской династии?

- Я была единственным ребенком в семье, но отец занимался мной мало. Виделись мы редко — он много работал. Воспитывал в основном собственным примером. Поэзия в моей жизни никогда не была простым увлечением. Отцу нравилось, что я издаю свои книги и выступаю на литературных вечерах с собственными стихами. Во время войны вместе с выпускавшим танки Харьковским паровозостроительным заводом наша семья эвакуировалась в Нижний Тагил. Когда в заводском поселке открылся детский дом, отец взял над ним шефство, и

как только выпадала свободная минутка, ехал туда. Помню, когда мне было лет восемь, он взял меня с собой. Конечно, я детдомовским детям не понравилась, и они сразу дали мне это почувствовать. Ведь мой отец был для них Батей — одним на всех, и вдруг оказывается, что есть девочка, которой от рождения даны без-

Мама говорила отцу: «Надень парадный костюм с орденами и иди на прием к декану». На что отец ответил: «Я не выдержу конкуренции орденов. Сама выбрала профессию — вот пусть сама и поступает». Я стала студенткой филфака во многом благодаря интересу к написанному сочинению.

Это большой четырехтомный труд, где собраны исторические экскурсы, стихи, проза, живопись, свидетельства людей, много знающих о былой и современной жизни столицы. В шутку я называю это «московчувствованием» — в противовес школьному предмету москвоведению.

Помимо всего прочего в этой работе мне было интересно проследить, как столица обожалась с писателями: коренными москвичами

За историческую прозу взялась потому, что мне было скучно рассказывать, как Ваня встретил Маню, а потом появился Петя и завертелся любовный треугольник. Ни мелодрама, ни детектив, ни триллер меня не привлекают. А вот что же на самом деле случилось с человечеством, где были допущены роковые ошибки, приведшие к тому, что мы имеем сейчас, это мне интересно поискать.

как быть исполнительницей мужской воли.

Я давно внутри этой темы. Считаю, единственное спасение цивилизации — равновеликость полов на общественном уровне. Нужно начинать серьезно готовить в женщине женского политика. Этим сейчас никто не занимается. Мужчинам удобен сложившийся порядок. В течение восьми лет в Англии на вершине власти были две женщины: королева и миссис Тэтчер. Что они сделали для установления равновесия мужского и женского начал в обществе? Ноль. Обе исправно работали на мужской мир.

- Теперь догадываюсь, почему свое женское исследование вы назвали именно «Кремлевские жены»...

- Нет, все было куда проще. Когда в середине 80-х я вплотную занялась разработкой темы «Жены русской короны», мой мудрый муж (один из основателей издательства «Вагриус», где две первые буквы в названии взяты из нашей фамилии) меня пожурил: «Пока ты с царицами возишься, другие твои героини — кремлевские жены — умирают, унося с собой свои тайны. Ты же потом локти кусать будешь». И я, вооружившись блокнотом и магнитофоном, бросилась обходить кремлевские семьи. Мне помогали поэтическое имя и давние знакомства. Все-таки моя семья пусть недолго, но принадлежала к кремлевскому кругу избранных.

Те женщины долго жили в секрете под надзором «девяток», и многие из них в новом времени не были готовы открывать душу. К своим героиням я применяла различные тактические подходы. Кому-то потом показывала готовый текст, разрешая что-то вычеркивать. Другим — нет. К Нине Теймуразовне Гегечкори-Берия я вообще не пошла, побоялась «полюбить» ее и потерять чувство объективности. После путча 1991 года меня пустили в архивы КГБ. Я неделю просидела в кабинете Лаврентия Берия, спешно наговаривая на магнитофон разные факты, вычитанные из секретных документов. От всего, что там узнала, заболела — так это было тяжело.

- По-вашему, народ интересуется жизнью «небожителей» из праздного любопытства, любви или ненависти?

- Трудно сказать. Жительница Чебоксар прислала мне письмо: «Я специально приеду в Москву и плюну вам в лицо, потому что вы оскорбили замечательную женщину — Надежду Константиновну Крупскую, которая помогла моей бабушке в детстве попасть в хороший детдом». А другая пишет: «Вы эту суку Крупскую так любите, что мне просто стыдно за вас». Когда-то Валентин Петрович Катаев сказал мне: «После моих книг противоречивые отклики приходили сотнями. Писатель должен быть готов ко всему». Я с ним согласна.

Беседу вел

Анатолий СТАРОДУБЕЦ

фото автора

Лариса Васильева среди экспонатов музея «История танка Т-34».

Лариса ВАСИЛЬЕВА:

МНЕ НЕ ИНТЕРЕСНЫ ЛЮБОВНЫЕ ТРЕУГОЛЬНИКИ

В начале 90-х ее книги «Кремлевские жены» и «Кремлевские дети», едва появившись на прилавках, сразу возглавили списки книжных рейтингов. Многие поклонники новых бестселлеров с удивлением узнавали, что их автор, писательница Лариса Васильева, и популярная поэтесса 60-70 годов Лариса Васильева — один и тот же человек. А в 2001-м, исполняя данное умирающему отцу обещание, Васильева открыла в подмосковной деревне Шолохово (где более 60 лет назад началось контрнаступление наших войск под Москвой) единственный в своем роде музейный комплекс «История танка Т-34», насчитывающий десятки тысяч единиц хранения. Сегодня профессор Ноттингемского университета и академик Академии российской словесности Лариса Васильева — гость нашей газеты.

раздельные права на этого человека. После войны мы переехали в Москву, и уже повзрослевшие детдомовцы-нижнетагильцы приезжали навещать Батю и смотреть столицу, останавливаясь, конечно, у нас. Для такой оравы мама стелила постель прямо на полу. Мальчики — в одной комнате, девочки и я вместе с ними — в другой. До сих пор дружу со многими из них. Тем, кто пошел по танковой специальности, отец помогал советом и при устройстве на работу.

- Вам он как-то помог состояться в профессии?

- Чем? Для него поэзия была материей непонятной. Будучи инженером до мозга костей, он очень не хотел переходить на руководящую работу в танковой промышленности. С конструктором Морозовым они даже кидали монетку: орел — решка. Ехать выпало отцу. В нашей семье, пожалуй, только моя мама, которая любила стихи и сама неплохо сочиняла, была сторонницей переезда в столицу. «У меня талантливый ребенок, который должен учиться в МГУ», — заявила она.

- Никогда не понимал, почему именно филологический факультет МГУ, который и вы оканчивали, всегда считался «оранжереей первых невест страны»...

- Так получалось, что туда слетались хорошенькие девушки. Умные, расудительные. На моем курсе было совсем немного «отпрысков». Одна дочка министра культуры — тихая и доброжелательная Света Михайлова да несколько профессорских дочек. Вот и все. А вступительный конкурс был сумасшедшим.

- В МГУ вы, наверное, сразу влились в узкий, но разгульный круг «золотой молодежи»?

- Нет, что вы! В нашей семье на этот счет всегда были строгие порядки. Ни на какие сомнительные вечеринки мать меня просто не пускала. Да и меня больше привлекало общество «нормальных» студентов.

- Вы с мужем, журналистом-международником Олегом Васильевым, пять лет прожили в Великобритании. Не было желания остаться за границей, как это случилось с некоторыми детьми «больших» родителей?

- Для меня люди делятся на тех, кому все равно, где жить, и тех, кто вне родины жить не может. Мне в Англии было интересно. Мы с мужем как журналисты имели право проживать вне посольской закрытой зоны и располагали достаточной свободой действий. В нашем доме перебивало немало известных деятелей западной культуры. Я возила советских дипломатов на экскурсии по байроновским местам. В изданной в Лондоне книжке «Альбион и тайна времени» я в форме иронических мемуаров рассказала о том, как женщина из России поехала в Англию и как ей там жилось. У меня было ощущение, что в Лондоне я живу временно, а настоящая жизнь ждет меня в России. Не смогла бы жить с сознанием, что я — человек второго сорта. А на своей земле не зазорно быть кем угодно.

- За мемуары о российской жизни еще не сажались?

- Все мои книги в той или иной мере — о России. Вот одна из последних под названием «Душа Москвы».

ми и теми, кто сюда попал уже в зрелом возрасте. Сергей Есенин, автор строк: «На московских изогнутых улицах умереть, знать, сулил мне Бог», вопреки своим поэтическим пророчествам умер в Ленинграде при таинственных обстоятельствах. Маяковский застрелился в Москве, но тайна его смерти тоже покрыта мраком. Анна Ахматова в столице всегда чувствовала себя гостьей, но какие замечательные строки написала о ней...

- А вы сами почему перестали писать стихи?

- В какой-то момент осознала, что перестала влюбляться, перестала «летать», а это предвестники того, что стихи тяжелеют. К тому же я наблюдала, как бушевавшие в оттепель поэтические стихи с середины 70-х пошли на спад. После моей статьи в «Литературке» о закономерности этого процесса один наш известный поэт даже сказал, что меня нужно убить. Но все же я оказалась права. В 80-х я преподавала в Литинституте и наблюдала, как поэтическое чувство у молодых выветривается, словно пар. Они научились умно писать, komponуя слова шустрее, чем я в их возрасте. Но у них между словами нет «воздуха» и таланта. Бог отсутствует. Однако не все так плохо. Исходя из теории «вековой цикличности», я жду к 2010-2015 годам появления новых поэтов.

- Что-нибудь нашли?

- Конечно. На исторический процесс смотрю под непривычным ракурсом — глазами женщины. Как сказал один уважаемый ученый, женская точка зрения — антиисторична. Однако мы есть, значит, есть и наша точка зрения. Читая груды литературы, я заметила, насколько женщина — ничтожное явление в истории. В лучшем случае она проходит декоративным фоном. Напрасно! Мы с мужчинами единаосущные, но очень разные, и, что самое обидное, не обучены обращаться друг с другом. Сегодня женские фигуры, например, в политике — реальность. Однако они выступают там не в своей природной роли, а перенимают стереотипы мужского поведения, становясь политическими трансвеститами. Между тем обществу мужской цивилизации необходимо равновесие. В семье бывает совластие, а на уровнях государственности его никогда не было.

Если обернуться в историю, то и там видно, что стоявшая у власти женщина выполняла мужскую функцию, хотя в своих поступках часто бывала мягче мужчины. Елизавета Петровна отменила смертную казнь. Екатерина Вторая одним из приоритетов своей политики сделала культуру. И в советский период работали замечательные женщины-функционеры, но им не оставалось ничего другого,